

В. Г. ШКОДА

ПОДРАЖАНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ МОНЕТЕ
ИЗ ПЕНДЖИКЕНТА

В 1977 г. при раскопках одного из помещений объекта X городища древнего Пенджикента под почвенным слоем была найдена медная монета¹. Сильно окисленная и покрытая высолами монета сохранилась не полностью. Ее фрагмент, тем не менее, с большей частью композиций лицевой и оборотной сторон сразу обратил на себя внимание необычным для пенджикентских монет изображением.

На аверсе тонкого монетного кружка (диаметр 26 мм; вес около 0,69 г) отчеканено погрудное изображение мужчины анфас. Лицо обрамлено клинообразной бородой; на голове — низкая корона с плюмажем и крестом, концы и перекрестие которого украшены точками. Из-под короны видны спускающиеся на лоб коротко подстриженные волосы. Справа от лица изображена фибула с тремя подвесками. Все детали трактованы предельно обобщенно. Характерна повторяемость элементов рельефа, сохраняющих один и тот же облик независимо от того, что они изображают. Таковы точечные выпуклости глаз, подвесок фибулы, концов креста, рельефные прямые насечки волос и бороды, линий носа и рта. Такая же рельефная короткая «штриховка» применена и в обрамлении всего изображения — четкая замкнутая линия круга с частой поперечной насечкой.

Композицию на реверсе составляют три креста, занимающие почти всю поверхность: в центре — четырехконечный крест с расширенными концами в виде трех точек, стоящий на двух ступенях, концы которых также украшены точками. Слева расположен меньший по размерам четырехконечный крест с расширенными концами в виде трех точек, так называемый трилистникообразный крест. Справа сохранился фрагмент еще одного аналогичного креста. В изображении на реверсе применена такая же, но еще более густая насечка в обрамлении композиции и круглые точечные выпуклости.

Лицевая сторона монеты — подражание аверсу первого выпуска монет византийского императора Ираклия (610—641)². Монеты Ираклия, выпускавшиеся до 613 г., имели на аверсе погрудное изображение императора с короткой бородой, одетого в панцирь и военный плащ, застегнутый у правого плеча фибулой с тремя подвесками; на голове — корона с плюмажем и крестом³. Изображение на пенджикентской монете отличается от оригинала трактовкой деталей портрета и некоторым смещением традиционных элементов — например, фибула сдвинута сильно вверх, так что ее застежка оказалась почти на уровне глаз лица. Эти искажения по-

¹ Полевой шифр: П—77/МХ-12.

² Приняту глубокою благодарности И. В. Соколовой за ценные консультации при определении монеты.

³ *Bellinger A. R., Grierson Ph.* Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1968, v. II, 1, p. 244—246, pl. VIII (1a.1—7).

зволюют предположить, что между образцом и пенджикентской находкой должны были быть еще какие-то промежуточные звенья.

Оборотная сторона монеты с изображением трех крестов не находит аналогий среди выпусков монет Ираклия и эмиссий других императоров. Композиции с крестами получили особое развитие в искусстве Византии иконоборческого периода (726—842). Отвергая почитание икон, иконоборцы в то же время не отвергали почитание креста и Евангелия. В эту эпоху крест занял видное место в убранстве церквей иконоборцев⁴. Тем не менее композиции из трех крестов достаточно редки в искусстве Византии. Три креста представлены в одной провинциальной каппадокийской церкви, но там весь декор датируется временем около 900 г., т. е. уже периодом реставрации иконопочитания⁵.

Гораздо больше аналогий можно найти за восточной границей империи. В середине VII в. в Иране христианство занимало такие позиции, что, по мнению ряда ученых, только исламское завоевание положило конец процессу, который мог бы привести к христианизации этого государства⁶. Символы христиан сасанидского Ирана известны в основном по изображениям на печатях. Три креста есть на одной поздне-сасанидской печати из Музея Метрополитен. На ней представлен изображенный под аркой алтарь огня, на котором вместо языков пламени помещен крест и два креста — по бокам от алтаря. Издавший печать К. Бруннер полагает, что композиция на ней не может быть понята однозначно и здесь помещен либо астральный символ, т. е. вместо священного огня на алтаре изображено солнце, либо кресты — христианские⁷. Однако очевидна большая вероятность трактовки печати как христианской поскольку «в сасанидской глиптике не существовало какого-то отдельного направления: одни и те же резчики печатей, используя одни и те же каноны, могли превратить зороастрийскую композицию в типично христианскую»⁸.

На другой сасанидский резной камень с изображением трех равноконечных крестов, хранящийся в Британском музее, указывает Я. И. Смирнов⁹. В мусульманскую эпоху во многих городах Ирана христианские общины продолжают функционировать. Для этого времени известны христианские символы на керамике, изразцах и, в частности, композиция из трех крестов на керамической таблетке X—XI вв. из Нишапура¹⁰. И в более позднее время местные христиане хорошо знали композицию из трех крестов. В начале XX в. в Керкуке (Северная Месопотамия) еще действовала халдейская церковь Мар-Тахмезгяра, где в стену над алтарем была вделана мраморная доска с рельефными тремя крестами и звездами. Какого времени эта плита с единственным во всей церкви изображением крестов, сказать трудно. Основание самой церкви, по всей видимости, относится к V в., когда эта территория входила в состав державы Сасанидов¹¹.

⁴ Лазарев В. Н. История византийской живописи. М., 1947, т. I, с. 68.

⁵ Lafontaine-Dosogne J. L'église aux Trois Croix de Güllü Dere en Cappadoce et le problème du passage du décor «Iconoclaste» au décor figuré. — Byz., 1965, XXXV, 1, p. 181, 202, fig. 7.

⁶ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946, с. 248; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 325; Widengren G. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit, Bd. 14), S. 283.

⁷ Brunner Ch. J. Sasanian Stamp Seals in the Metropolitan Museum of Art. N. Y., 1978, cat. N 139, motif 8b.

⁸ Луконин В. Г. Виблейский сюжет в сасанидской глиптике. — СГЭ, 1982, вып. 47, с. 49.

⁹ Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. — МАР, 1899, № 22, с. 38.

¹⁰ Wilkinson Ch. K. Nishapur: Pottery of the Early Islamic Period. N. Y., [197—], p. 335, group 12.200.

¹¹ Отчет о деятельности Русского Археологического института в Константинополе в 1911 г. — ИРАИК, 1912, т. XVI, с. 373—378, рис. 5.

Христиане Средней Азии, видимо, также были знакомы с подобной композицией. Изображение трех крестов встречено на скале с согдийской надписью из Ладакха в Восточном Туркестане¹², которая была оставлена в 841/2 г. христианином Нопфарном из Самарканда¹³.

Не совсем ясна символика композиции из трех крестов. В этом отношении весьма любопытны изображения на росписях собора в Фарасе (Нубия). На одной из фресок начала XI в., в нижнем ее ярусе, помещены три креста, тогда как в верхнем, отделенном от нижнего горизонтальным панно с изображением облаков, — св. Троица. Композиция эта не имеет иконографических параллелей, уникальна и сама идея сопоставления трех лиц Троицы и трех земных крестов. По мнению Э. Динклера, здесь могла проявиться монофизитская или, скорее, антихалкидонитская точка зрения в христологии¹⁴. На другой росписи начала XI в. из Фараса три креста помещены над арочным изголовьем ложа Марии в качестве знака ее величия как богородицы¹⁵.

Возможно, что символика композиций из трех крестов в разных сценах могла иметь неодинаковое значение, как это показывают росписи из Фараса. Что же касается связи символики трех крестов с христологическими спорами, то она могла иметь не только монофизитское, но и, судя по распространению на Востоке, несторианское осмысление. Разделяя божественную и человеческую природу Христа, Несторий учил, что Христос родился, рос, страдал и умер как человек¹⁶. Поэтому вполне возможно, что у несториан изображение трех крестов символизировало именно это учение — страдание человека Христа наравне с распятием рядом разбойниками. Во всяком случае, композиции с тремя крестами были знакомы как несторианам, так и монофизитам, не разделявшим природу Христа на божественную и человеческую. Можно вспомнить также армянские хачкары, в декоре которых так часто представлены три креста¹⁷. По всей вероятности, и у несториан, и у армян-монофизитов три креста условно изображали распятие, так как, по свидетельству Рубрука, «армяне и несториане стыдятся показывать Христа пригвожденным ко кресту»¹⁸. Очевидно, что мотив трех крестов был более распространен в восточно-христианских областях, чем в Византии. На сиро-палестинских памятниках VI—VII вв. известны другие, но также условные изображения распятия. Три креста показаны, например, на палестинских ампулах: на боковых крестах — распятие разбойники, на среднем кресте нет распятого, но на его вершине помещен медальон с погрудным изображением Христа¹⁹.

Причины попадания византийских монет на Восток, и в том числе в Среднюю Азию, хорошо разобраны в работах, посвященных взаимоотношениям Византии с ее восточными соседями²⁰. Основной причиной притока византийской монеты в Среднюю Азию были торговые отношения с Византией,

¹² *Gropp G. Archäologische Funde aus Khotan. Chinesisch-Ostturkestan (Wissenschaftliche Ergebnisse der Deutschen Zentralasien-Expedition 1927/28, Teil 3). Bremen, 1974, S. 367, Abb. 219b.*

¹³ *Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута. — СНВ, 1971, вып. X, с. 137, примеч. 22.*

¹⁴ *Dinkler E. Beobachtungen zur Ikonographie des Kreuzes in der nubischen Kunst. — In: Nubia — récentes recherches. Actes du colloque nubologique international au Musée national de Varsovie, 19—22 juin 1972. Varsovie, 1975, S. 26, Abb. 6.*

¹⁵ *Ibid., S. 25, Abb. 4.*

¹⁶ *Лебедев А. П. Вселенские соборы IV и V веков. Сергиев Посад, 1896, с. 158.*

¹⁷ *Азарян Л. Армянские хачкары. Эчмиадзин, 1973, ил. 21, 22, 26, 30, 48, 59, 64.*

¹⁸ *Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, с. 150.*

¹⁹ *Grabar A. Ampoules de Terre Sainte (Monza—Bobbio). P., 1958, p. 23, pl. XI—XIV.*

²⁰ *Массон М. Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики. — Труды САГУ. Нов. сер., 1951, вып. 23. Гуманитарные науки, кн. 4; Он же. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (еще к во-*

особенно развившиеся в раннее средневековье²¹. В это время византийская золотая монета, впрочем, так же как и иранская серебряная, получает значение международной валюты. В Средней Азии наряду с немногочисленными византийскими солидами известны также находки брактеатов и индикаций в подражание византийскому золоту²². Золотая индикация, в частности, была найдена в г. Андижане (Ферганская долина) в культурном слое X—XII вв. Она представляет сделанный в конце VII—VIII в. оттиск с «варварского» подражания монетам Ираклия. По мнению В. И. Козенковой, индикация могла интересовать купцов-христиан или членов христианской общины²³ — это наиболее вероятное предположение, так как ему есть аналогии в этнографии. Например, «особой популярностью у русских крестьян Семиречья в конце XIX—начале XX в. пользовались кружки с грубым изображением бюста Христа, который обязательно помещался на византийских монетах после приказа Иоанна Цимисхия. . .»²⁴, а в Бухаре начала XX в. был даже специально налажен выпуск иерусалимских шекелей II в. до н. э., находивших спрос среди бухарских евреев²⁵. Тем не менее следует учитывать, что такая «сувенирная» функция золотых подражаний византийским монетам могла быть уже вторичным использованием этих предметов.

Вопрос о золотых подражаниях византийским солидам, сам по себе весьма интересный и заслуживающий специального исследования, к данной работе имеет лишь косвенное отношение. Суть в том, что пенджикентская находка выделяется как единственное пока подражание золотой монете, исполненное в меди. Специально изготовленный штемпель с уникальным для византийских монет изображением на реверсе, строго вертикальное соотношение осей лицевой и оборотной сторон позволяют предположить, что пенджикентская находка представляет не «сувенирную» продукцию, а особый тип монеты, выпущенный к востоку от Византии каким-то христианским центром.

Для конца VII—начала VIII в. в Средней Азии известны несколько выпусков монет с христианскими символами. Одна из них найдена на городище Афрасиаб. Это «тюрко-согдийская» монета с погрудным изображением правителя и двумя крестами на аверсе, которые, как считают издатели, скопированы с монет Византии. На реверсе — тамга и согдийская легенда²⁶. Вторая группа бронзовых монет с именами правителей stgru и gr'nc происходит из Уструшаны. На оборотной стороне этих монет — тамга в виде У-образного знака и крест²⁷. Уструшанские монеты относили к VI—VII вв. Теперь они, видимо, могут быть датированы второй половиной VII в., судя по совместным находкам этих монет с монетами правителя Пенджикента конца VII—начала VIII в. Чекинчур Бильге на полу одного

просу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии). — ОНУ, 1972, № 7; *Ставицкий Б. Я.* О международных связях Средней Азии в V—середине VIII в. (в свете данных советской археологии). — ПВ, 1960, № 5, с. 111—113; *Козенкова В. И.* Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии. — СА, 1967, № 1.

²¹ М. Е. Массон считает, что какая-то часть монет могла поступать через членов христианских общин; см.: *Массон М. Е.* К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии, с. 96, 101.

²² О находках византийских монет в Средней Азии и подражаний им см.: *Кропоткин В. В.* Клады византийских монет на территории СССР. — САИ, Е4-4. М., 1962; *Веселовский Н. Е.* Еще об оссуариях. — ЗВОРАО, 1907, т. 17, с. 0180; *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раскопки в Пенджикенте. — АО, 1975. М., 1976, с. 561.

²³ *Козенкова В. И.* Указ. соч., с. 269.

²⁴ *Массон М. Е.* К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии, с. 103.

²⁵ *Массон М. Е.* Монетные находки в Средней Азии, 1917—1927 гг. — Известия Среднеазиатского университета. Ташкент, 1928, вып. 3, с. 281.

²⁶ *Ртвеладзе Э. В., Ташходжаев Ш. С.* Об одной тюрко-согдийской монете с христианскими символами. — ВВ, 1973, 35, с. 232—234.

²⁷ *Смирнова О. И.* Первые монеты из Уструшаны. — ЭВ, 1971, XX, с. 62, рис. 8; *Она же.* Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, № 746; *Авзалов Р. З.* Раскопки на Калаи Кяххаха I. — АО, 1977. М., 1978, с. 552.

из помещений XXVIII объекта пенджикентского городища²⁸. Еще одна монета с изображением равноконечного креста на одной стороне и фантастического животного на другой найдена на городище Варахша²⁹, но отсутствие легенды и аналогий не позволяет судить о месте ее выпуска.

Таким образом, для конца VII—начала VIII в. в Самаркандском Согде и соседней с ним Уструшане с согдоязычным населением³⁰ известно по меньшей мере три выпуска монет с христианскими символами. Логично было бы предположить, что и пенджикентская находка является чеканом местного правителя. Однако она в отличие от среднеазиатских монет с крестом, имеющих, как правило, помимо знака креста, еще тамгу и согдийскую легенду, ни в чем не сходна с обширным кругом среднеазиатских бронзовых монет VII—VIII вв. Отмечу также, что на местных монетах кресты помещались иногда в качестве дополнительного знака (есть типы монет с именами st̄gru, r̄'nc̄ и без знака креста на оборотной стороне), тогда как на данной монете композиция на реверсе представляет значительную христианскую символику. Стилистически пенджикентской находке ближе всего две монеты раннеисламского времени с городища Касри-Абу Наср в Южном Иране. Эти монеты с погрудным изображением правителя имеют пехлевийские легенды и зороастрийские символы на оборотной стороне³¹. Монеты из Касри-Абу Наср чеканены, по всей видимости, в подражание монетам Хосрова II, однако некоторые их особенности близки к деталям монет Ираклия. Их объединяет общая манера передачи портрета правителя — точечные выпуклости глаз и прямая «штриховка», образующая линии одежды и бороды; надо отметить и сходство в форме бороды. Возможно, что, хотя образцом для монет из Касри-Абу Наср прямо послужили монеты Хосрова, резчик штемпеля знал (или помнил) монеты Ираклия.

В середине VII в., когда в Иране не сложилась еще арабская система государственного устройства и упорядоченное денежное обращение, многие города и округа, управлявшиеся местной аристократией, стали выпускать свою монету. В частности, в Хузистане и его столице Сузах, вероятно, выпускались монеты по византийским образцам³². По аналогии с монетами, имитировавшими византийские, и монетами из Касри-Абу Наср, выпущенными в это же «смутное» для Ирана время, пенджикентская монета вполне могла быть чеканена каким-то правителем-христианином или христианской общиной одного из городов или округов Ирана в середине или конце VII в. Такие монетные выпуски известны очень мало. Только раскопки в Сузах и Касри-Абу Наср дали редкие образцы местных монет середины VII в. без обозначения места выпуска, поэтому неизвестно, сколько времени выпускались и обращались эти монеты. Типологически аверс пенджикентской монеты настолько отличен от монет Ираклия 610—613 гг., что ее было бы естественно отнести ко второй половине VII в., однако вряд ли ее могли выпускать после реформы халифа Абд ал-Малика (696/7 г.)³³.

²⁸ Семенов Г. Л. Отчет о работах на XXVIII объекте городища древнего Пенджикента в 1977 г. (рукопись).

²⁹ Жирнова О. И. О двух группах монет владельцев Согды VII—VIII вв. — ИООН АН ТаджССР, 1957, вып. 14, с. 132, рис. I, 12.

³⁰ Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. — СА. 1954, XX, с. 71, 73.

³¹ Miles G. The Coins. — In: Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Cambridge, Mass., 1973, p. 28—32, N 42, 43.

³² Walker J. Some Early Arab and Byzantine-Sasanian Coins from Susa. — In: Archaeologica Orientalia in Memoriam Ernst Herzfeld. N. Y., 1952, p. 238—240, 242—243 and plate.

³³ После того как эта статья уже была дана в печать, мне стала известна серия монет из Бишапура (Фарс). См.: Curjel R., Gyselen R. Une collection de monnaies de cuivre sasanides tardives et arabo-sasanides. — In: Studia Iranica, t. 9, fasc. 2, 1980, p. 167—173, fig. 1. Тип I этих монет по лицевой стороне типологически очень близок к публикуемой здесь монете (ср. манеру изображения лица, фибулы и т. д.). Монеты

В Среднюю Азию монета попала, скорее всего, случайно. Примером такого случайного попадания иноземных вещей могут служить византийские поясные пряжки, несколько экземпляров которых найдено в Согде. Византийские бронзовые пряжки не были предметом импорта и попали в Согд попутно вместе с другими товарами³⁴. Эта случайность не исключает, впрочем, и возможного употребления монеты в конечном итоге как своеобразного «сувенира» некоего местного христианина³⁵.

из Бишапура авторы публикации сопоставляют палеографически с монетами конца VII в. (р. 168), что не противоречит предположительной датировке пенджикентского экземпляра.

³⁴ *Распопова В. И.* Византийские поясные пряжки в Согде. — КСИА АН СССР, 1968, № 114, с. 36.

³⁵ За последние годы на пенджикентском городище сделаны находки, свидетельствующие в пользу достаточно прочных позиций христианства, по всей видимости, несторианского толка в Согде начала VIII в. К их числу в первую очередь относится находка сирийского остракона начала VIII в. Сирийский документ представляет учебный текст, написанный учеником-согдийцем, и содержит первые три стиха первого псалма и фрагменты шести стихов второго. Вполне вероятно, что в Пенджикенте существовала какая-то несторианская школа. В помещении, соседнем тому, где был обнаружен документ, найден фрагмент кружки с процарапанным после обжига равноконечным крестом с расширяющимися концами (см.: *Пайкова А. В., Маршак Б. И.* Сирийская надпись из Пенджикента. — КСИА АН СССР, 1976, № 147, с. 34 и сл.). В километре от городища, на могильнике Дашти-Урдакон, вскрыто несколько могил христиан и адептов местной религии VIII в. В одной из них находилось захоронение в хуме, на котором до обжига процарапан рисунок с изображением поклонения кресту. В другой могиле был погребен ребенок с бронзовым нательным крестом (см.: *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И.* Новые раскопки в Пенджикенте. — АО, 1976. М., 1977, с. 559). Сильные позиции христианство занимало и в более широком регионе согдийской колонизации. Об этом говорят находки, сделанные в Семиречье. См.: *Бернштам А. Н.* Памятники старины Таласской долины: (Историко-археологический очерк). Алма-Ата, 1941, с. 21; *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — Труды КАЭЭ, 1959, т. II, с. 231—233, рис. 56; *Сенигова Т. Н.* Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI—VIII вв.). — В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, с. 62—67, рис. 1 (6), 3, 4; тут же ссылки на другую литературу.